

мейных отношений с русской женой употребляется слово «abuse», что характеризует русских мужчин как домашних тиранов. Русские мужчины, по мнению американок, любят женщин, нуждаются в них, ценят их общество («need affection», «they crave feminine comfort and support»). Данная особенность легко перерастает в одновременное увлечение несколькими представительницами противоположного пола («juggle a handful of affairs»), что вносит дисгармонию в семейные отношения и «портит» мужчин («spoil»).

Противоречивые мнения формируют полярные оценки, поэтому однозначно определить образ «типичного русского» на материале СМИ и Интернет не всегда возможно. Чтобы объективировать реально существующие представления о русских в картине мира носителя американского варианта английского языка, было проведено анкетирование среди жителей разных штатов США. Всего в опросе принимали участие 38 человек: 22 мужчины и 16 женщин в возрасте от 18 до 70 лет.

В своих ответах для описания черт национального характера русских респонденты использовали 40 положительных, 19 отрицательных и 6 нейтральных оценочных характеристик, что в процентном соотношении составляет 61%, 29% и 10% соответственно. Можно говорить о том, что в сознании американцев существует положительный образ представителя русской культуры, так как даже среди ответов «возможен собственный вариант» преобладают слова и словосочетания с положительной оценкой: «good people», «nice», «have a good sense of humor», «amazing», «cool», «cute».

В результате глобализации люди могут практически свободно посещать другие государства, знакомиться с новыми культурами, учиться и жить за границей. Граждане России – не исключение. В ходе исследования мы попросили дать ответ на вопрос, как ведут себя русские в повседневной жизни («In everyday life Russians are...»), в деловой сфере («In business Russian people are...»), в общении с иностранцами, а также какой видят американцы русскую историю и культуру («Russian history is...», «Russian culture is...»). Если говорить о национальных чертах русского народа, выявленных в ходе эксперимента (по максимальному количеству респондентов, выбравших данную черту), можно назвать такие качества, присущие русским, как «ум» («intelligent») – 58% респондентов, «дружелюбие» («friendly») – 42% опрошенных, «воспитанность» («polite») – 50% респондентов, «внешняя при-

влекательность» («attractive, well-dressed») – 44% и 39% опрошенных соответственно, «честолюбие» («ambitious») – 63% респондентов, а наряду с этим, – «аполитичность» («ignorant, indifferent») – 65% опрошенных, «бунтарство» («law-breakers», «rebellious») – 52% респондентов. Важно отметить, что ответы людей разного возраста и разного пола практически совпадают, что позволяет говорить об объективности оценки существующего в быденном сознании американцев стереотипа русского народа. Отсутствие ассоциативной связи с образами, пропагандируемыми в СМИ, свидетельствует о непредвзятости мнений респондентов, принимавших участие в опросе, и также подтверждает объективность содержащейся в высказываниях оценки.

Возникает в процессе межкультурных контактов, на основе представлений о воображаемых и истинных характеристиках другого этноса, стереотипы закрепляются на подсознательном уровне носителей данной культуры и выступают в качестве «индикаторов» состояния межнациональных отношений. Именно от характера сотрудничества или соперничества, доминирования или подчинения зависят содержание, направленность и, что немаловажно, степень истинности этностереотипов. При этом нужно помнить, что стереотипный образ включает наиболее яркие, непривычные для воспринимающего субъекта черты иной этнической группы, что характерным признаком этнических стереотипов является изменчивость. В силу этого любое исследование национального характера не может претендовать на абсолютную полноту и объективность, но является необходимым условием правильного понимания процессов межкультурной коммуникации, происходящих в современном мире.

1. Байбуриин А.К. Этнические аспекты изучения стереотипных форм поведения и традиционных культур // Советская этнография. – 1985. – № 2.

2. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – Изд. 2-е, доп. – М.: ЛКИ, 2008.

3. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002.

4. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социоллингвистике. – М.: Языки славянской культуры, 2004.

5. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Академия, 2001.

6. Этнические стереотипы. 2000. <http://psy.kemcity.ru/vocab/txt/ee39.htm> (23.03.2006).

Е.А. Титова

ИЗМЕНЕНИЯ В НЕМЕЦКОЙ ОРФОГРАФИИ КАК РЕЗУЛЬТАТ ЭКСПАНСИИ ФОНЕМАТИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА ПИСЬМА

The article is about bipartite influence of the spoken and written language and their rapprochement because of expansion of the phonemic principle in German.

Дискуссия о сущности и соотношении устной и письменной форм речи приобретает в настоящее время особый интерес в связи со стремительным развитием средств массовой информации и компьютерной техники, сдвигающих привычные рамки представлений о возможности использования той и другой форм коммуникации. Появление и широкое распространение электронного канала обмена сообщениями обуславливают изменение в принципах использования устной и письменной форм существования языка, а также оказывают влияние на все развитие языка в целом.

Вопрос о соотношении двух форм существования язы-

ка – устной и письменной – продолжает занимать центральное место в работах лингвистов. Исследованиям такого рода посвящены труды Я.К. Грот, Л.Р. Зиндера, Н.К. Ивановой, В.Б. Касевич, О.Н. Никоновой, М.А. Тулова, Л.В. Щерба, Г.О. Винокура, Т.П. Ломтева, К.А. Филиппова. С лингвистической точки зрения устная форма речи первична, а письменная – вторична [1], поэтому достаточно закономерным является вывод, что большее влияние оказывает устная речь на письменную, а не наоборот.

Возможность влияния письма на развитие устной нормы отрицалась многими лингвистами. Л.Р. Зиндер, например, подчеркивал: «Звуковая материя является единственной обязательной формой существования языка» [3]. Е.Д. Поливанов утверждал, что фактор орфографического влияния на фонетику и морфологию устной речи – фактор исключительный, нуждающийся в особой культурной ситуации [1]. Ученый считал нормальным порядком вещей, когда устная речь влияет на орфографию, в результате чего орфография изменяется вслед за изменениями произношения; обратное влияние, по его мнению, – лишь исключение из нормы.

Другие лингвисты (к ним относится и Л.В. Щерба), напротив, поддерживают точку зрения, что одна из основных тенденций развития современной нормы – приближение произношения к написанию [6]. Л.В. Щерба считал, что задача языковой политики состоит в том, чтобы «разговорный стиль подтянуть под полный и под существующее письмо» [9]. Одной из причин возникновения вариативности считается воздействие письменной формы на устную. В лингвистической литературе, например, особенности ленинградского произношения в отличие от московского объяснялись в первую очередь влиянием письменной формы языка [4].

В настоящее время в сфере немецкого языка наблюдается несколько явлений где, на наш взгляд, можно ожидать интенсификации некоторых языковых процессов. Прежде всего это некоторое ускорение так называемого процесса естественных грамматических изменений, происходящих в немецком языке. Данный процесс совершается под воздействием разговорной речи. Конечно, эти формы еще не зафиксированы в словарях немецкого языка, однако в научных работах они уже упоминаются. В связи с тем, что многие разговорные формы через новые каналы коммуникации проникают в письменные тексты, можно предположить: вскоре они будут зафиксированы в словаре и займут свое законное место в системе немецкого языка. Приобрести статус нормы в обеих формах существования языка могут и синтаксические конструкции, использование которых уже допускается немецкими грамматиками применительно к устной речи [12, 14], но которые пока недопустимы в речи письменной.

Такую тенденцию подтверждают и результаты сопоставительного анализа текста электронных сообщений и писем, проведенного К.А. Филипповым. По его мнению, выясняется, что «одновременно с распространением новых форм электронной коммуникации расширяется сфера воздействия устной речи на письменную» [9]. Кроме того, в немецкой публицистике заметна тенденция к привлечению приемов устного общения при составлении письменных текстов.

Таким образом, на современном этапе развития общества происходит дальнейшее совершенствование устной и письменной форм существования языка. Взаимное влияние устной речи и письма с неизбежностью заставляет исследователей вносить коррективы в лингвистическую теорию. Главная задача на сегодняшний день – выяснить конкретные причины изменений в языке.

С момента появления письменности языка претерпевают многочисленные изменения. Причинами этого являются как внешние, так и собственно языковые факторы. По мнению некоторых современных ученых (М.А. Петроченковой, К.А. Филиппова), одним из последних можно назвать зависимость языкового строя от определенного принципа орфографии.

Орфография – это правила оптической передачи средствами графики данного языка его значимых единиц (слов, морфем), с учетом не только их плана выражения, но и плана содержания конкретных слов, морфем [6]. В орфографии пишущий выбирает тот или иной аллограф на основании правил, предписываемых кодифицированной нормой.

Правила орфографии создаются нормализаторами, сообразующимися с определенными принципами, в которых, по мнению Г. Пауля, следует различать два вида:

- 1) мотивированные – фонематический; морфематический; грамматический.
- 2) немотивированные – традиционный; дифференцирующий; транслитерационный; транскрипционный; цитатный.

Фонематический принцип появляется во время становления системы графем нового немецкого языка (XVI-

XVIII вв.), особенно четко в попытках показать разницу между краткими и долгими гласными [12]. В средненемецком в открытых слогах многосложных и закрытых слогах односложных слов гласные фонемы стояли в оппозициях, недостаточно отражающих их долготу или краткость. С помощью фонематического растяжения гласных в открытом слоге эта фонемная оппозиция частично повышается, вследствие чего изменяется дистрибуция и функциональная нагрузка фонемы. Последствия этого процесса нашли отражение графически: уже в средненемецком после долгого гласного и дифтонга для обозначения краткости появились сочетания согласных; в новом немецком в многосложных словах краткость гласного в ударном слоге выражалась через закрытость слога, долгота гласного – через открытость (например, Ratten – raten, Rassen – rasen, bannen – bahnen). Обозначение растяжения гласного с помощью «h», двойного написания или «e» после «i» использовались как дополнительный вариант.

Фонематический принцип требует, чтобы написание слова адекватно отражало его фонемный состав. Конечно, на письме в отличие от транскрипции не требуется, чтобы каждая фонема всегда обозначалась одной буквой. Трудности возникают при передаче звукового образа заимствований, который при переходе слова в другой язык, как правило, сохраняется, но совершенно не соответствует правилам чтения на данном языке. Поэтому возникает необходимость упрощения в случаях, когда две или три графемы используются для обозначения одной фонемы или сочетания фонем. При этом возникают новые графически неразличимые омонимы, которые не должны затруднять передачу информации.

Важно отметить, что, по мнению ряда лингвистов, нормы письма представляют собой правила, не зависящие от функционирования устной речи. Утверждается, что письмо является по отношению к языку чем-то внешним, не относящимся к языку [10]. Основанием для таких утверждений, без сомнения, является тот факт, что при главенствующей роли фонематического принципа в немецком (как и в русском) языке действуют и другие принципы орфографии, в первую очередь морфематический. Влияние этого принципа обнаруживается в сохранении единства написания той же морфемы в разных словоформах. При этом тождество фонемного облика морфемы нарушается. Таким образом, орфографический облик слова не совпадает с фонологическим.

Подтверждением того факта, что письменная форма языка изменяется, является реформа немецкой орфографии, вступившая в силу в 2005 г. Анализ сформулированных авторами реформы предписаний свидетельствует, что в основу изменений положен фонематический принцип. Первоначально главным принципом, согласно которому мы проводили классификацию лексических единиц, подвергшихся изменениям в написании, была позиция, в которой произошло изменение. Однако такого рода аспект сможет дать лишь общую картину. Более конкретные сведения можно получить лишь в результате анализа графем, замененных на более близкие к их произносительному варианту или опущенных совсем. В данном случае представляется возможным выделить три основных группы изменений: 1) изменения, касающиеся написания гласных; 2) изменения, касающиеся написания согласных; 3) изменения, не отражающие влияния фонематического принципа.

Последний пункт представляет собой важный этап анализа, так как, несмотря на низкий удельный вес соответствующих примеров, наличие нефонематических изменений является основным доказательством главного признака любого языка – его постоянного развития вследствие существования так называемых языковых антиномий.

Противоречия, существующие на каждом этапе развития языков, представляются основной движущей силой их внутреннего изменения.

Согласно полученным данным, общий вес изменений вследствие действия фонематического принципа составил 92,2%. При этом количество лексических единиц, противоречащих фонематическому принципу и не отражающих сближение звукового и графического образа слов, равняется 7,8%. Такое соотношение является наилучшим доказательством верности мнения о том, что устная речь влияет на орфографию, в результате чего орфография изменяется вслед за изменениями в произношении, и важнейшим фактором, на основе которого происходят изменения в современном немецком языке, можно назвать фонематический принцип орфографии. Однако следует иметь в виду, что данное исследование касается лишь изменений, представляющих собой заимствования из различных языков (французский, итальянский, испанский, латинский). Это означает распространение фонематического принципа с наиболее тесной связью звукового и графического образа слов исключительно на данный пласт лексики. Процессы, происходящие в целом в языке (изменения в синтаксиса, морфологии, о которых шла речь

выше), требуют дополнительного изучения, они не составили предмета настоящего исследования.

М.В. Миронова

ЦВЕТОБОЗНАЧЕНИЯ В КУЛЬТУРНОЙ КАРТИНЕ МИРА СОВРЕМЕННЫХ АМЕРИКАНЦЕВ

The article is devoted to the research of role of color words in modern American culture.

Как известно, разные цвета вызывают неодинаковые чувства у представителей различных национальностей. Сравнительное изучение способов обозначения цвета, их символики, переносного значения в разных языках – одна из традиционных тем лингвистики. Так, египтяне традиционно не любят голубой цвет, перуанцы не принимают фиолетовый, болгарам не нравится светло-зеленый, жители Сингапура и Малайзии просто не переносят желтый. У современных европейцев цвет траура – черный, в то время как у японцев и китайцев – белый, в Гонконге – синий, в Мексике – желтый, в Бразилии – пурпурный. В Европе зеленый цвет ассоциируется со здоровьем, а в тропических странах – с болезнями [1, с. 259].

Прилагательные цветообозначения в разноязычных картинах мира, их символика, переосмысленное значение подтверждают мнение, высказанное В. Г. Гаком: «Даже такое объективное, общее для всех людей ощущение, как цвет, в разных языках отражается по-разному, наименования красок составляют в каждом языке сложную систему, и системы разных языков обнаруживают показательные расхождения» [2, с. 196].

Несмотря на косвенные связи с человеческой нейрофизиологией, значения названий цвета (как и значения названий эмоций) представляют собой артефакты культуры. Сами зрительные категории (зеленый, синий и т.д.) могут успешно определяться тем, что обусловлено нейрофизиологически, но «ассоциации» обусловлены понятиями, поскольку понятия, а не ощущения потенциально воспринимаемы и поддаются передаче другим людям.

Так как воспринимаемые ощущения могут концептуализироваться различными способами, в разных языках воплощены различные цветовые концепты. Например, «blue» значит не то же самое, что «голубой», а «green» – не то же самое, что «зеленый». Но фокусы у этих разных семантических категорий могут быть относительно стабильны по языкам и культурам, не только потому, что

1. Бондарко Л.В. Основы общей фонетики / Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкая, М.В. Гордина. – СПб., 2000.
2. Зиндер Л.Р. Общая фонетика. – Л., 1979.
3. Зиндер Л.Р. Очерк общей теории письма. – Л.: Наука, 1987.
4. Иванова Н.К. Фонетические алфавиты и транскрипция. Исторический очерк на материале XVI-XX веков. – Иваново, 2000.
5. Матусевич М.И. Л.В. Щерба как фонетик. – Л., 1951.
6. Пауль Г. Принципы истории языка. – М., 1960.
7. Петрученкова М.А. Немецкий язык: реформа правописания – правила и трудные случаи. – М.: Изд-во НИЦ ЭНАС. 2003.
8. Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Л.: ЛГУ им. А.А. Жданова, 1958. – Ч. 1.
9. Щерба Л.В. К вопросу о реформе орфографии. – М.: Учпедгиз, 1930.
10. Ломтев Т.П. Язык и речь // Вестник МГУ. – 1961. - № 4. – С. 4-10.
11. Филиппов К.А. Устная речь и письмо: новые тенденции в оценке двух форм существования языка // Фонетические чтения в честь 100-летия со дня рождения Л.Р. Зиндера. – 2006. – С. 64-69.
12. Friedrich J. Geschichte der Schrift. – Heidelberg, 1966.
13. Duden Rechtschreibung / Redaktion: Dr. Matthias Wermke. – Mannheim, 1996.
14. Einführung in die Phonetik des Deutschen. – Berlin: Erich Fried Verlag, 1977; 11 Die Rechtschreibreform im Einzelnen / 8. Ausgabe. – Berlin: Clausen & Bosse, 1998.

наши психические реакции совпадают, а потому, что фундаментальные концептуальные модели, которые основаны на нашем общем человеческом опыте, у нас одни [3, с. 52].

Рассматривая культурную картину мира современных американцев, можно отметить, что она реализуется в языке в форме цветообозначений в отдельных лексемах, словосочетаниях, фразеологических единицах и других вербальных средствах. Существует немало фразеологических единиц американского происхождения. Многие фразеологизмы пришли в Англию из США. Некоторые из таких фразеологизмов настолько ассимилировались, что в английских словарях после них снята помета, указывающая на их американское происхождение. К подобным «американизмам» относится, например, выражение *a/ the green light* – зеленая улица, свобода действий; *paint the town red* – предаваться веселью, кутить. Американские фразеологические заимствования, особенно сленгизмы, отличаются яркой образностью и повышенной экспрессивностью [4].

Проанализировав художественные произведения современных американских авторов, мы исследовали примеры с основными цветообозначениями. Согласно Берлину и Кею, существуют 11 терминов цветообозначений: черный, белый, красный, зеленый, желтый, синий, коричневый, фиолетовый, розовый, оранжевый, серый [5]. В данном исследовании будут приведены фразеологические единицы с компонентом «цвет», не имеющие аналогов в русском языке. Возьмем, к примеру, цветообозначение «black» (черный): *So long as I oppose marriage, I share those suspicions that many harbor: that you had a black hand in my husband's death* [6, с. 275]. В данном контексте выражение *to have a black hand in something* означает «иметь причастность к чему-либо», – как правило, к преступлению. Фразеологические единицы с компонентом «brown» (коричневый) встречаются реже, чем с компонентом «black»: *Brown thoughts hit hard, as they always did when he pulled slowly into the drive and shook his head at the condition of a once fine home* [7, с.45]. *Brown thoughts* используется здесь в значении «тяжелые мысли». В целом данные цветообозначения имеют негативную коннотацию. В противопоставление этому цветообозначению «white» (белый) имеет, скорее, положительную окраску: *For their own safety. Una bugia veniale. A white lie. Your job will be to keep the peace* [8, с.101]. Фразеологизм *white lie* имеет значение «невинная ложь» (ложь во спасение).